

ПО ПРАВУ ЗВЕРЯ

Анна Владимирова

Проданная зверю

Анна Владимировна

По праву зверя

«Автор»

2022

Владимирова А.

По праву зверя / А. Владимирова — «Автор»,
2022 — (Проданная зверю)

– Ее надо отдать «зверю»... Силуэт доктора расплывался. По телу волнами разливалась дрожь, голова кружилась, а место укуса на шее пульсировало все сильнее. – Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет загибаться, а антидота нет. Я думала, что хуже в моей жизни уже быть не могло, но один рывок «зверя» разделил жизнь на «до» и «после». И теперь остается добровольно сдаться ему, чтобы он... закончил начатое...

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	11
4	13
5	14
6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Владимирова

По праву зверя

Пролог

Я видела его впервые в медицинском боксе.

Хотя картина не менялась. Все они попадали сюда в таком виде – разодранная плоть, кровь, тяжелое дыхание, переходящее в хриплое рычание... Этому не повезло особенно. Черные волосы мужчины были мокрые от пота, смуглая кожа казалась серой из-за потери крови, а по телу волнами била крупная дрожь от избытка адреналина. Веки плотно закрыты, но под ними заметно движение глаз.

– Док, мы тебе нужны? – хрипло спросил один из охранников, намекая на возможность перевести дух. Второй молча ушел.

Я знала, что они работают на износ, что каждый день с этими... зверьми мог стать последним, и становилось только хуже. Остаться одной в обществе раненного не хотелось, хоть я и понимала, что он надежно зафиксирован. «Звери» вызывали страх на инстинктивном уровне. Один взгляд этих желтоглазых чего стоил – кажется, они мысленно сдирали кожу и перегрызали горло. Опасные, неменяемые твари, хоть и выглядят людьми... на первый взгляд.

– Осторожно, док, этот – не искусственный, – не дождался ответа охранник, устало наблюдая за моими приготовлениями.

Ничего специфического мне тут не понадобится – остановить кровь, зашить особенно большую рану, наложить пластыри и влить тонизирующее. Если бы не ощущение постоянной опасности, отупела бы на такой однообразной работе.

– Ну и что? – вспорола ножом майку пациента, оголяя крепкий рельеф пресса и груди.

– Нормальные они, жаль – мало их...

– Сколько? – откинула бесполезную тряпку в ведро.

– Двое.

– Если нормальные, что он тут делает? – Я взялась промывать раны. На груди была самая глубокая.

Стоило тронуть, кровь потекла быстрее, и «зверь» задышал чаще, из горла вырвалось хриплое рычание, от которого меня бросило в нервную дрожь.

– Их эти «реплики» ненавидят, – кивнул охранник в сторону коридора. – Ну те, что искусственные. А эти настоящие, породистые.

Меня передернуло от его слов – как о скоте говорит.

– Почему не отселить их? – машинально поддерживала беседу, лишь бы этот тип не ушел.

– Да мне какое дело?

– Помогите. Его надо приподнять и дать энергетик.

– Да брось ты, – вдруг фыркнул он. – Все равно выкарабкается, на них все как на собаках заживает.

Я медленно потянулась за скальпелем и сжала в трясущихся руках – меня это всегда успокаивало, и тремор проходил быстрее.

– Пошел вон, – прошипела, сжимая инструмент в ладони.

– Спокойно, деточка, – сузил глаза охранник. – Положи скальпель.

– Мне он нужен, – цедила холодно. – Пошел вон, я сказала!

Мужчина криво усмехнулся:

– Позовешь, – бросил многозначительно и убрался из отсека.

Я позволила себе несколько тяжелых вздохов, успокаивая дрожь, и вернулась к пациенту.

– Твари, ублюдки... – шипела, обрабатывая раны.

«Зверь» то ли потерял сознание, то ли успокоился, но больше ни на что не реагировал. Около часа я зашивала его большую рану на груди, не жалея анестетика, что бы эти твари-охранники ни говорили. Опуститься до изверга несложно. Жизнь меня швырнула в эту передрягу, но терять человеческий облик я не собираюсь. Чего не скажешь о людях, которые обслуживают это жуткое путешествие. Если бы я только знала, с кем предстоит работать...

– Эй, – позвала пациента, но он не среагировал. – Эй, мне сказали, ты умный...

Не знаю, как я додумалась шлепнуть его по щекам. В следующий миг меня будто ошпарило от взгляда, которым вдруг уставился «зверь». По коже прошла волна мелких мурашек, а в груди сдавило от страха. Это желтоглазых я боялась? Они не шли ни в какое сравнение с этим. Глаза этого «зверя» горели жидким огнем, отливающим синевой, и он будто перекачивался вокруг зрачка, завораживая и лишая воли. Может быть, поэтому я не успела дернуться, когда он одним рывком оторвал фиксаторы по бокам койки и кинулся. Тележка с инструментами и препаратами с грохотом улетела в стенку и рассыпалась. Меня припечатало рядом, едва успела выставить ладони, чтобы не разбить лицо, а в спину вжалось горячее тело. «Зверь» схватил меня за шею одной рукой и рванул на себя.

Как же не хватало скальпеля... Стоило только подумать эту глупость, шею будто ошпарило кипятком и приложило разрядом. Я дернулась. Сердце сделало кульбит, остановилось и ударило больно о грудную клетку. Задержав дыхание, я рванулась в ужасе изо всех сил, но бесполезно.

– Помогите! – наконец, прорезался хриплый голос. – ПОМОГИТЕ!

Пальцы цеплялись за его запястье, но вырваться не удавалось. «Зверь» шумно выдохнул мне в висок, а когда в коридоре послышался топот, с трудом набрал воздуха в легкие:

– Не придешь ко мне – сдохнешь, – прохрипел на ухо, – не делай глупостей... теперь ты – моя.

В этот момент в бокс влетела охрана, и давление чужого тела исчезло. Позади слышались крики и ругань, звон рассыпанного по полу инструмента. А я просто сползала по стенке на трясущихся ногах.

За шиворот стекала теплая капля крови, и, быстро остывая, противно холодила спину, а я все еще пыталась отдышаться.

– Хайди! Черт, – меня подхватили на руки и куда-то потащили.

Кажется, сам капитан примчался, но голова упрямо отказывалась воспринимать этот мир, поставленный на паузу этим хриплым рычанием. А оно будто заблудилось внутри, спускаясь все ниже, будоража солнечное сплетение, сбивая дыхание и... согревая.

«Ты – моя...»

* * *

1

Звон металла ударил по барабанным перепонкам, и я поежилась.

– Готово, кровь остановилась, – доложил кто-то скрипучим голосом. По лбу скользнула прохладная тряпка.

– Хайди, – прогнулась койка под чужим телом. – Ты меня слышишь?

– Хреново это, кэп.

Я открыла глаза и поморщилась. По ощущениям, мне откусили половину шеи вместе с рукой до лопатки. С губ сорвался стон.

– Хайди, – кэп приложил к губам стакан с водой, которую я жадно принялась глотать. – Твари...

– Это не они твари, а мы.

Рядом стоял Бенжамин, ученый с той самой базы, с которой экипаж корабля привез этих нелюдей. Его силуэт расплывался и двоился, но его ни с кем не спутать. Яркий представитель восточного мужчины, лысый и смуглый, он пристально всматривался в мое лицо.

– Бенжи, не надо морали, – раздраженно поднялся капитан Морган.

Он мне казался тут самым нормальным. Зачем он взялся транспортировать эту живую контрабанду на восток, понятия не имела. Но наверняка были причины. По крайней мере, так думать было легче. Потому что все остальное, во что меня швырнула жизнь, не давало никакой опоры.

Еще две недели назад я сидела на ступенях медицинского университета со скальпелем в руках и думала, что жизнь закончилась. Восьмой год жестокого графика и нагрузок мое тело не выдержало – подвело, сдалось... Чертов тремор поставил крест на карьере хирурга. До сих пор помню взгляд куратора, старика Ходина, когда он вынес свое последнее слово, обозвав его «рекомендацией». «Не надо, Хайди... Зарежешь кого-нибудь на операции – до конца дней не выйдешь. Давай подумаем о переквалификации, это единственный вариант. Практикующих консультантов сегодня сильно не хватает. Неврология, педиатрия...» Я тогда молча встала и ушла. Через неделю двери моей квартиры взломали, вытащили меня из-под одеяла, поставили капельницу... Но, видимо, привели в чувства недостаточно, потому что я влипла в какую-то дикую историю и оказалась на корабле.

Когда мне позвонил Ходин и предложил работу, чтобы «встряхнуться и переключиться», я даже не задумалась о том, чтобы что-то проверить. Сам же куратор снизошел... Мне обещали хорошо оплачиваемую должность корабельного врача на двухнедельное плавание. Опять же – не год. Смена обстановки обещала перспективы просветления или хотя бы смирения с тем, что половину жизни можно слить коту под хвост. А за две недели платили очень хорошие деньги. Хватило бы на весь курс переквалификации, если я уговорю себя на этот унижительный шаг.

Но после отплытия оказалось, что все совсем не то, чем казалось до этого, а дна своей жизни я достигла не там, на ступеньках университета, а тут... с раной на шее.

– Ее надо отдать ему, – подтвердил мысли Бенжамин. – Я видел это десятки раз. Если они так метят женщин, варианта ни для кого не остается. Она начнет загигаться.

По телу прошла дрожь, голова закружилась...

– Хайди...

– Это нервное, – мотнула головой и села. – Все в порядке.

Я раздраженно накинула рубашку на плечи и осторожно покрутила головой.

– Мисс Белл, вы меня слышали? Мы не нашли антидот, хотя искали десять лет. Антидот есть только у них самих...

За эту неделю я много всего узнала. Что общество наше весьма чудно, и не только люди в нем живут. Эти твари, что рычали и царапались в нижнем отсеке в клетках – производные от вполне цивилизованных хищников, существующих с нами бок о бок. Правда, цивилизованность в ходе экспериментов они потеряли напрочь.

Я все больше приходила к мысли, что Ходин меня утилизировал. Уж ему ли не знать, что такие, как я, не выживают. Спиваются, сторчиваются, но жизни таким неудачникам больше нет. В патологоанатомы и на свалку. Меня не выпустят отсюда живой. Слишком многое я вижу и понимаю. И только капитан Морган продолжает почему-то переживать.

– Сколько я протяну? – подняла взгляд на ученого.

– Я не знаю. Мы не проверяли.

– Искали женщин для них, да?

Бенжи опустил глаза:

– Думайте сами, – и вышел из медотсека.

– Хайди, – снова позвал кэп, и у меня внутри все сжалось.

Этот его участливый взгляд слишком напоминал о жизни, в которую меня больше не выпустят. Только спросить я все не решалась, да и кто мне скажет правду?

Моргану было около пятидесяти. Симпатичный мужик, породистый. Закаленный, с прямой спиной и развитым телом. Я бы даже пошла к нему в руки, если бы позвал. Но он смотрел на меня как на дочь, и это временами бесило. Мне жить осталось неделю, а он жалеет! А теперь, кажется, и того меньше.

– Не вздумай умирать, – вдруг огорошил он.

– Я вообще-то не собиралась, – растянула губы в усмешке, – но вы же все понимаете...

– Я бы не дал тебя в обиду, – тихо, но от этого не менее весомо заявил он.

То ли от адреналина, то ли от безысходности, но я вдруг почувствовала, что мне все равно.

– Возьми меня к себе в каюту сегодня и не дай в обиду, – решительно потребовала я.

В синих глазах капитана заплескали бледные искры, уголки сухих губ тронула усмешка, а я чуть не зарядила ему пощечину от обиды.

– Возьму, – неожиданно согласился он. – Чтобы проследить за твоим самочувствием.

Я закатила глаза, попробовав не дать ему в руки, но в моем состоянии это было невозможно. Морган подхватил меня под колени и лопатки и понес из отсека.

2

Я притихла у него на груди, опасаясь, чтобы никто не попался навстречу. Смелость как ветром сдуло, на смену ей пришла еще большая слабость. В коридорах было безжизненно, шаги кэпа отдавались глухим эхо от стен и больно били в виски.

– Все же интересно, сколько времени у меня осталось, – задумчиво прошептала, оглядывая каюту. Типовая, без изысков, но хорошо пахнувшая свежим мужским телом и гелем для бритья.

– Дура, – выругался кэп и бережно уложил меня на свежую постель.

– Вы же слышали Бенжи, – растянувшись я нагло на прохладной простыни. – Да и этот зверь сказал, что сдохну...

Капитана передернуло.

– Посмотрим, – напряженно выдохнул он. – Я не дам тебе умереть.

– Лучше бы не дал замерзнуть. – Меня и правда начало знобить.

– Хочешь что-нибудь? – просканировал меня обеспокоенным взглядом.

– Согрей, – с трудом ворочала языком, проваливаясь в сон.

– Хайди, – холодная ладонь легла на лоб, вторая рука тряхнула за плечи. Послышалась ругань, но тут же схлопнулась вместе с сознанием.

* * *

– Блейк...

Я моргнул. Пялился на решетку, люто ненавидя это идеальное железо, которое не согнуть, не выбить. Оно воняло отчаянием и безнадежностью, его запах оседал на языке горечью бессильной злости. А теперь к ней добавился еще и запах собственной крови и антисептиков.

Но это все в прошлом. Все изменится. По крайней мере, я на это рассчитывал. И теперь перебирал в мыслях возможные варианты развития событий, чувствуя, как наливаются яростью мышцы. Нет, ее не выбили за эти пять лет заключения. Она копилась внутри, настаивалась, набиралась силы и крепла, как хорошее вино. Скоро все хлебнут... Все, кто встанут на пути.

– Блейк, что случилось? – Дарджел тяжело вздохнул позади, вероятно, усаживаясь. Я обернулся к нему, наблюдая на его лице ожидаемые метаморфозы. – Кто тебя так? – выдохнул он изумленно, поднимаясь.

А я подумал, что надо бы его вытаскивать из пристрастия к крепкому снотворному, которое ему радостно тут отсыплют горстями. Да, когда спишь, проблем не существует, они не ковыряют мозг вместе с тоской и бессилием что-либо изменить. Но сегодня меня это перестало устраивать.

Я почувствовал ее запах несколько дней назад. Думал, у меня галлюцинации, ведь эти лабораторные крысы таскали мне женщин каждую неделю в надежде, что хоть кто-то подойдет, и я потеряю голову и начну подчиняться. Как Дарджел. И теперь меня преследовали сны о ней, а похороненное в заключении либидо восстало из мертвых. Маленькая черноволосая девчонка с большими глазами и оливковой кожей. Кажется, я полжизни не хотел женщину так сильно, хотя прошло пять лет с того дня, как попал в лабораторию.

– Хотел убить Лукаса, – направился к Дарджелу.

– Ты?! – раскрыл он широко глаза. – С чего вдруг?

С того, что мне нужно было добраться до своей женщины.

– Бесят недоделки, – и я уселся рядом с ним, давая себе передышку. Дарджел усмехнулся. Желтоглазые нас ненавидели, но обходили стороной. Если бы я не кинулся на их предводителя, они бы не напали. Но я мог попасть к ней, только если бы нуждался в ее помощи. – У меня есть идея...

– Я тебя не узнаю, – устало прохрипел Дарджел. – Какой-то деятельный стал.

– Я нашел свою пару.

Наступила тишина, в которой слышно было, как старый борт скрепит под натиском воды. Я впервые почувствовал себя неуютно. Внутри все оживало и встряхивалось, начинало чувствовать.

– Не вовремя, – наконец, постановил друг.

– Ты помнишь, как люди боялись праймов?

– Они их не брали.

– Они не могли знать о каждом, – злорадно усмехнулся.

Дарджел повернул голову:

– Ты...

– А знаешь, почему боятся?

– Догадываюсь, – поежился он.

– Мне просто надо до нее добраться...

Его смешок оказался неожиданностью.

– Ты что, думаешь использовать такую связь ради силы?

Я повернулся к нему и заглянул в потухшие глаза:

– Я вытащу тебя отсюда, обещаю. А потом мы найдем Рами и твоего сына.

Глаза Дарджела блеснули на миг и угасли. Он уперся затылком в стенку и облизал губы:

– Ты не сможешь ее использовать, Блейк. Думаешь, я умираю медленно внутри вдали от своей женщины просто так? – его голос слабел. – Чтобы получить силу, нужно отдать всего себя. Только так... Иначе не получишь ничего.

Я посидел, слушая его дыхание, потом провел по повязке на груди. Она пахла ей. Запах будоражил кончики нервов, дразнил и потихоньку изматывал. А кроме того, в душе начало ворочалось беспокойство – что если она не придет ко мне? Вдруг предпочтет умереть?

Она не похожа на других... Глаза слишком решительные, немного злые. И что она делает здесь? Заманили враньем, как и половину команды? Но она не сломалась. Продолжает делать свое дело – штопает ошметки на наших телах после стычек, и не жалуется.

В коридоре слышались шаги. Знакомые. Они принадлежали единственному человеку, которому здесь не хотелось перегрызть глотку сходу. Капитан приблизился к прутьям и остановился напротив.

– Бенжамин говорит, она не выживет без тебя, – глухо процедил, глядя на меня усталым взглядом.

Пришло время торговаться.

3

Я поднялся и медленно направился к решетке:

– Ты теряешь людей, а еще неделю плыть. Желтоглазые не становятся спокойней – только больше звереют, – начал я. Они убили уже троих охранников. А транквилизатор помогал все хуже – даже под их воздействием им удавалось рвать глотки. – Я могу помочь.

Капитан презрительно шурился, только не я его вынудил транспортировать этих обезьян через пролив. Ответить ему таким же взглядом ничего не стоило.

– Я – прайм. Единственный среди них. Отдай мне ее, и проблем с мутантами у тебя больше не будет.

Будут другие, но о них я пока не скажу.

Капитан отвел глаза, вздыхая, отвернулся, походил туда-сюда, будто у него был выбор.

– У нее жар, не могу сбить...

– Теряешь время, – прорычал я. Неожиданно мысль о том, что ей плохо, заставила ощериться. Я едва не рванулся к прутьям и не вцепился когтями в глотку собеседнику.

– Куда ее тебе? Сюда? – неприязненно скривился он. Мысль о том, что он неравнодушен к моей девочке, больно огрела, но я стерпел. – И откуда мне знать, что ты не причинишь ей боли?

– У тебя нет выбора, – заставить себя торговаться холодно и расчетливо стоило всех сил. – И... мы не можем сделать что-то, что причинит избраннице боль... – Пришлось внять словам друга, по крайней мере, сейчас они казались правильными. А запах свободы пьянил. Зверь рвался наружу, и он сметет все на своем пути... Но позже.

– Я... отдам тебе каюту, – наконец, решился он.

– И никаких камер, капитан, – сурово цедил я.

– В каютах нет камер, – поднял он на меня растерянный взгляд. – Так ты обещаешь, что поможешь в обмен на Хайди?

– Даю слово. Желтоглазые больше не будут проблемой.

– Мне нужно, чтобы никто из экипажа не погиб больше от их руки, – тяжело дышал кэп. – Или от твоей.

Это уже не входило в мои планы. Но я не собирался держать слово перед людьми, которые делали из меня раба.

Заминку кэп расценил, как мой диалог с совестью.

– Хорошо, пошли, – и он вызвал по комму охрану.

* * *

Казалось, я была под долгим наркозом. Первым вернулся слух, но пошевелиться не было никакой возможности. Все так же пахло свежим бельем и... цветами. Тонкий аромат яблочного сада наполнял спокойствием, будто я просто уснула на газоне перед университетом весной. Одно время жила там, чуть ли не ночевала. И каждый год по его периметру невероятно завораживающе цвели старые узловатые яблони. Они щедро посыпали голову лепестками при первом дуновении, и я еще половину весны находила и вытряхивала сухие лепестки из карманов худи и рюкзака.

Вдохнула глубже, ожидая, что рот привычно наполнится слюной, но запах пропал. А вместо него ноздри наполнились чем-то терпким, горячим, на языке невыносимо загорчило, сбилось дыхание и пульс. Тело бросило в пот, стало холодно, и меня затрясло, но тут же будто накрыло чем-то теплым. В шею ткнулось горячее дыхание, а солнечное сплетение завибрировало от

животного рыка. Я попробовала рвануться из кокона оцепенения, но влетела лопатками в крепкое тело и упала обратно на мокрую простынь. Кровать прогнулась под тяжестью, и шеи коснулись... языком. Мышцы сократились в одном остром импульсе, и с губ сорвался стон.

Память вспоролو воспоминание о звере, его укусе... и как напросилась к капитану в постель. Из груди вырвался расслабленный стон. Я же сама хотела, а тело так ярко отзывалось на ласку, что я сучила ногами, надежно придавленная к кровати. Только зачем-то он водил языком по воспаленной ране, и та неожиданно реагировала горячей пульсацией вместо боли.

– Морган, – попыталась возмутиться, только он вдруг совершенно невменяемо зарычал так, что тело снова вздрогнуло от озноба.

На шее сомкнулись пальцы, и я дернулась. Но он не душил – просто прижимал к себе. Вторая рука мужчины заскользила по обнаженному телу, стирая пот и дрожь, и я послушно выгнулась, вжимаясь попкой в его бедра.

– Еще раз позовешь капитана, – раздался хриплый знакомый шепот у уха, – порву его на лоскуты...

Я широко раскрыла глаза, хватая ртом воздух. В груди скакнуло сердце и забилося о ребра как в последний раз. Я рванулась изо всех сил, но куда там! Сама же позволила себя распять на кровати. Ему только осталось придавить и...

– Я же говорил – сдохнешь без меня, – и он провел носом по шее, красноречиво делая длинный вдох и дополняя его касанием острых когтей.

Сознание раскололось. Одна, затухающая часть, забилась в истерике, и я рванулась из лап монстра, но, кажется, только сильнее в нем увязла. Зверь втиснул между бедер колено, расталкивая ноги, и вдруг протяжно лизнул рану. Шершавый язык, казалось, взбудоражил каждый нерв. В виски ударило, голова закружилась, отключаясь, уступая место какой-то незнакомой мне сущности. Она отзывалась на действия зверя, стонала и сдавалась его ласке.

Противоречивые эмоции сводили с ума, рождая дикую агонию, только ему было плевать. Он использовал любое мое движение, чтобы заполнить все пространство между нами. Я только почувствовала пугающее давление между ног и сжалась, готовясь к боли, когда он вздернул меня на колени и рванул вверх. Глупо, но мне все это напомнило какой-то дикий танец. Его рука, скользившая по моим ребрам вниз, широко расставленные дрожащие ноги и запрокинутая на его плечо голова. Мы покачивались в собственном ритме прерывистого дыхания и дико скачущих сердец. Я слышала, как стучит его собственное, и этот звук все больше вгонял в транс. Я сама дернулась бедрами ему навстречу, и он жестко ворвался внутрь, жадно отвечая.

Каждое движение корежило волю и распаляло желание. Желание, чтобы Зверь не останавливался. Я чувствовала, как скользят когти по коже, оставляя горячие следы, как катятся капли пота, собираясь и срываясь вниз, встречаясь с его руками и будто вспыхивая в месте столкновения. В горле невыносимо саднило от крика, переходящего в беспомощный хрип. А в животе уже сжималось от давно забытого предвкушения, которое странным образом примирило со всем происходящим.

Удовольствие было немыслимо, неправильно, запретно, но от этого становилось только острее. Не соображая, я двигалась быстрее, выпрашивая все, что он собирался дать, или даже требуя. Когда он развернул меня к стенке, я закричала в голос. Не в силах вынести его напор, снова рванулась из его рук и оказалась на животе, где Зверь беспощадно довел меня до такой изматывающей разрядки, что я едва не потеряла сознание, скуля и вздрагивая.

Он тяжело дышал мне в затылок, не выпуская шею из лап. А я чувствовала себя так хорошо и устало, что едва успела отметить затухающим сознанием абсурдность всего происходящего... и провалилась в сон.

* * *

4

* * *

– Что ты... – Капитан так и застыл в проеме каюты, не успел я даже сползти с девчонки.
– Пошел вон, – зарычал так, что даже в свете тусклой лампы было видно, как он побледнел. Еще и один приперся, герой.

– Что с ней? – прохрипел он упрямо. – Ты обещал, что не сделаешь ей...

– Нормально все с ней, – еле заставил себя связать слова. Слез с кровати и медленно направился к нему, как был – голым. – Это нормально, – процедил. – Или мне тебе о каждой позе отчитываться, в которой я буду ее трахать?

– Не надо мне угрожать, – с трудом выпрямился он у проема.

– А я не угрожаю. Пойди спроси у своего ученого, что делают со зверем, который выбрал себе самку, и что может сделать, когда к нему лезут в самый неподходящий момент...

Придурок бросил нерешительный взгляд на девчонку, а у меня внутри будто что-то дернулось из подсознания и прорвалось наружу. Я вспомнил, как она приняла меня за него, и в один вдох схватил его за горло у стенки, выпустив клыки и когти. Капитан задергался, отчаянно хрипя и хватая меня за запястья, пришлось ослабить давление.

– Ты с ней спал?! – приложил его затылком о железо.

Он только и смог, что отрицательно мотнуть головой, а меня будто из тисков выпустило. Клыки втянулись, помутнение прошло также быстро, как и настигло. Я отпустил капитана, и тот сполз по стенке, пытаясь отдышаться.

– Не входи сюда больше, это – наше с ней логово. – Я присел, заглядывая человеку в глаза: – Будут чужие запахи – получишь еще одного невменяемого больного ублюдка в моем лице, оно тебе надо?

Кэп тяжело сглотнул.

– Мы договорились. Я свое слово держу.

– Хорошо, – кивнул он, поднялся с трудом и вышел, шатаясь, а я хлопнул дверью. Щелкнул электронный замок. Та же клетка, но ничего, не надолго.

Как только нас отрезало от внешнего мира, отголоски умопомрачения зазвучали ярче. Я медленно повернул голову в сторону кровати и осторожно втянул запах... Чистое бешенство, даже сердце застучало быстрее и четче. Вены будто жидкого огня плеснуло, и я жадно сглотнул. Я хотел ее. Без остановки, до одури, до воя. Замер, нависая над ней и пытаясь обуздать все это внутри. Значит, вот оно как? Найти ту самую... А тело продолжало требовать взять. Только девушка вымученно отключилась, а я не собирался трахать бесчувственное тело.

– Придется потерпеть, – констатировал сам себе. Тишина каюты наполнила вдруг согласным спокойствием. Я огляделся – не шибко просторная, скорее – тесная, но все лучше клетки. А, кроме того, девочку свою долго ловить не придется. То, что она даст деру, даже не сомневался. Непривычные человеческие женщины к тому, что их раскладывают и присваивают без спроса, а эта всем им фору даст. Я с интересом разглядывал все, что было доступно взгляду – бледная кожа со следами моих зубов и когтей, круглые плечи, трогательные ямочки на округлых крепких ягодицах, черные спутанные волосы... Не смог отказать себе в том, чтобы дотронуться. Убрал волосы с ее лица и залез на кровать, инстинктивно отгораживая ее от дверей.

Чувство страха за кого-то кроме себя, озадачило и напрягло. Но все внутри было под контролем, и я успокоился. До утра.

5

По ощущениям, я так и не уснул, но для того, кто «проспал» все эти годы, ничего удивительного. Без снотворного и с новыми возможностями, что давала девчонка, жизнь заиграла новыми красками. Инстинкты просыпались, обостряя чувства. Жизнь пульсировала, разгоняя кровь и наполняя тело предвкушением. Я пролежал до самого утра, прижимая к себе ее и едва сдерживаясь, чтобы не разбудить и не продолжить. Отвлекали только мысли о том, как выбираться отсюда и что следует сделать первым делом. Я так увлекся, что даже не сразу заметил, что она вздохнула глубже.

Когда она застонала, я насторожился и обхватил ее лицо:

– Эй, – позвал хрипло.

Она повела головой, но просыпаться не спешила, и я решил действовать решительней. Жар у нее спал, на ощупь казалась даже ледяной – не помешает разогреть. Но где-то в глубине тревожило опасение, что ей плохо. То, что я пометил, но не довел дело до конца, было плохо. То, что может умереть – слышал в лаборатории от персонала. Но сейчас по идее все должно идти на лад – вон, даже щеки порозовели, и дышит спокойно. Я провел ладонью по ее лицу, лаская большим пальцем нежную кожу. Даже не думал, что это может быть настолько приятно. У меня пять лет не было женщин, а теперь вдруг есть та самая, с которой все по идее должно быть по-особенному. Но я понятия не имел, как это. Казалось, впервые трогаю женщину, переживаю, что ей может быть плохо... даже чувство вины, давно забытое, подняло голову. Ну и на черта мне весь этот багаж?!

Я опустил ладонь на грудь девчонке и сжал. Она хрипло застонала, завозилась, но терпеть уже не было сил, и я скользнул носом вдоль ее позвоночника, оглаживая бедра, присваивая... Мысль о том, что вся она – моя, выдрала из груди довольное рычание, и девочка дрогнула, вскинулась, пытаясь отползти, вывернуться, но чхать я хотел. Рывком вернул на место и запустил язык между ее ягодиц. Ее ощутимо тряхнуло в моих руках, но мне было мало, и я запустил в нее пальцы. Смотреть, как она дергается, как впирается тонкими пальцами в помятую простынь и крутит попкой, было невыносимо. Я дернул ее к себе, намереваясь рвануться внутрь без прелюдий, но что-то остановило, потащило к ней, и вот я уже склонился к ее шее, собрал волосы в кулак и коснулся губами чувствительной кожи, намереваясь... успокоить?

Заполнять ее медленно оказалось крышесносно. Она сжималась, становясь невыносимо тесной, и терпение, казалось, рвало жилы и выворачивало от напряжения, но я не сдавался... Теперь это было важным, потому что где-то на задворках сознания уже трепыхалось что-то чуждое – чужие эмоции. Они уже били током собственные нервы, не позволяя делать то, что хотелось.

Когда я втиснулся полностью, она застонала.

– Тш, – сорвалось с губ, а в груди рванулся фейерверк восторга от ее всхлипа. Не могла сопротивляться, отвечала, хоть и пыталась вырваться, и это срывало последние предохранители. Когда я позволил себе все, даже не заметил. Пришел в себя мокрый и опустошенный сверху на ней, дрожащей и такой же выжатой досуха. Ее спина, тонкая и светлая, как проблеск солнечного луча в этом вечном мраке, была исполосована когтями. Это отрезвило и бросило в жгучее чувство вины. Повинуясь инстинкту, я нагнулся и лизнул набухшую бисеринами крови царяпину, на что девчонка неожиданно резво дернулась из моих рук, подскочила и дала деру с кровати. Но уже у дверей ее ждал сюрприз – электронный замок.

– Мы – в тюрьме, – поднялся я и сел, глядя, как она дергает ручку и барабанит в механизм, отвечавший ей красным индикатором.

Наконец она обняла себя за плечи, пытаясь спрятаться, закрыться, а у меня в груди набух липкий комок злости. Только не понятно, на кого.

– Что... – прохрипела она, закашлялась, пытаясь что-то сказать. Я поднялся и прошел в ванную. Когда вернулся со стаканом воды, девчонка уже сидела на кровати в простыне. Новый вид мне не понравился, но я не стал выпускать клыки по этому поводу. Она и так была на грани.

– Пей, – протянул ей стакан.

Жадно его опустошив, она облизнула губы.

Я осторожно опустился рядом, невыносимо желая схватить и прижать к себе, заставить себя хотеть. Идиотизм инстинкта вырвал из груди хриплый смешок.

– Что смешного? – зыркнула она на меня зло, ежась.

– Мне не смешно, – качнул головой. – Как ты себя чувствуешь?

– Обычно я об этом спрашиваю, – усмехнулась она. – Зачем ты...

– У меня не было выбора. Так бывает. Ты – моя пара. Мы – в замкнутом пространстве. – Я врал. Или нет?

– Это теперь, – огляделась она, дрожа.

– А к кораблю ты уже привыкла?

Неожиданно говорить с ней стало важным. Мне нужно было ее «да». Я не хотел больше брать силой, так не может продолжаться постоянно.

– Потеря крови лишает контроля, – оправдывал себя. – Я не мог сопротивляться тогда. А потом стало поздно. Ты могла умереть.

Она тяжело дышала, облизывая губы и глядя мне в глаза.

– Что тебе нужно? – вдруг спросила абсолютно ровным голосом.

– Свобода.

6

– Это невозможно, – подняла она голову, глядя в потолок, но продолжая сжиматься в комок.

– С чего ты взяла? – прищурился я. Теперь она казалась маленькой и глупой, нуждающейся в заботе и тепле. Но в тепло она не собиралась, а я боялся сделать резкое движение.

– До сих пор что-то не освободился, – вернула на меня свой прямой пронизывающий взгляд.

– Сначала силы были неравны, потом отпало желание. Когда тебя фаршируют наркотой, наверное, тяжело оставаться собой. – Меньше всего хотелось вызывать к себе жалость, но взгляд ее смягчился. – Теперь у меня есть и силы и желание.

– Я думаю, нас не выпустят живыми, – плечи ее расслабились. Она откинулась на стенку, у которой стояла кровать, и подтянула к себе ноги. – Вас продадут. Меня... скинут в море.

– Как тебя занесло сюда? – Хотелось слушать ее. Чтобы говорила, дышала ровней, расслаблялась еще и еще. Чтобы стало можно дотянуться и погладить...

– Посулили практику, – передернула она плечами, будто сбрасывая мои пальцы. – У меня нет диплома, никто не возьмет в здравом уме. Выбраковка... – и она почему то опустила взгляд на свои руки, сжимающие простынь вокруг ног. Те еле заметно подрагивали.

Мы посидели в тишине, необъяснимо объединяющей.

– Мне нужно зализать царапины.

Она вскинула на меня прежний испуганный взгляд:

– Что?

– Если не зализать, останутся шрамы. А тебе еще жить и жить...

Я сказал это просто так, как само собой разумеющееся, но девчонка на меня так посмотрела, что я сразу понял – дал обещание. Ничего из сказанного друг другу не проходит бесследно, слова будто выжигаются на коже договором, который не нарушить. И подписались мы под ним оба кровью...

– Ты будешь жить. Обещаю.

– Что взамен? – перешла она к обязанностям сторон.

– Ты нужна мне.

– Надолго?

Я бы хотел обещать, что нет. Мне и самому было все это ни к чему. Так какая разница, кому еще на этом корабле я собрался врать ради свободы. Одной больше, одной меньше.

– Будем свободны – разойдемся, – и глазом не моргнул.

– А мы точно сможем? – Эти торги ее здорово отвлекали, даже щеки порозовели.

– Говоришь так, будто роль шлюхи для тебя привычная, – оскалился я.

– Да пошел ты! – зашипела она и взвилась, только намерение остаться в простыни ее подвело. Достаточно было поймать край ткани, в которую она замоталась, и добыча уже лежала у меня между ног, соблазнительно барахталась и шипела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.